

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том № 268

ноябрь

1999

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант — 1561-7793; электронный вариант — 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного Центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

- Зиновьев В.П.** Исследования по истории Сибири в Томском государственном университете
в конце 1980-х – 1990-е гг. 4

ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

- Сагалаев А.М.** Архаичное миропонимание и современный менталитет России
(к постановке проблемы) 9
- Казаркин А.П.** Идеи областничества и евразийства в литературе Сибири 11
- Кулемзин В.М.** Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения 13
- Жеравина А.Н.** П.И.Макушин и «Детский сад по методу Фребеля» в Томске 14
- Малолетко А.А.** Казаки в истории Колывано-воскресенского
(Алтайского) горного округа (1726–1917 гг.) 19
- Есипова В.А., Климкин В.М., Чернявская Ю.О.** Бумага как исторический источник:
некоторые перспективы изучения 22

ПОТАНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

- Завещание и смерть Н.М.Ядринцева.** Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 26
- Письма А.В. Лаврской (Потаниной) Н.М. Ядринцеву (1873–1874 гг.).**
Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 31

ФИЛОЛОГИЯ

Литературоведение

- Поплавская И.А.** Мотив покоя в раннем творчестве В.А. Жуковского 34
- Яиушкевич А.С.** К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Из статей в «Онегинскую энциклопедию» 37
- Седельникова О.В.** Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского 45
- Казakov А.А.** Архетип смерти в структуре «финальной гармонии» Ф.М. Достоевского 54
- Реморова Н.Б.** Кедрин и Ходасевич. «Стагьи о русской поэзии» В. Ходасевича
в чтении и восприятии Дм. Кедрина (по материалам кедринской библиотеки) 58
- Рыбальченко Т.Л.** История литературы XX века как история литературных течений 68
- Антошина Е.В.** Ранняя проза В. Набокова в контексте христианской философии искусства 73
- Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому.** Публикация, научный комментарий
и примечания Реморовой Н.Б. 76

Языкознание

- Резанова З.И.** Язык и человек: субъектно-объектные отношения (варианты интерпретации
в европейской культурной традиции) 86
- Иванцова Е.В., Волкова Т.Ф.** Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности 89
- Блинова О.И.** О чем звонят колокола? (стилистические этюды) 94
- «... я, может быть, стал более строго отбирать слова и потому достиг некоторого совершенства»**
(к 100-летию со дня рождения М.В. Исаковского) 96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Петров Ю.В.** Философия как философия культуры 98
- Видгоф В.М.** Эстетическая реальность как предмет философской рефлексии 101
- Доманский В.А.** Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы 106
- Барнашова Е.В.** Взаимосвязь натуралистических и эстетствующих тенденций
в европейской художественной культуре XIX века 110

ПСИХОЛОГИЯ

- Кабрин В.И.** Транскоммуникативная холодинамика психологического универсума личности
(«Стресс – Транс – Формация») 115
- Рождественская Е.А.** Особенности проявления тревожности и ригидности
в актуальном состоянии преподавателей, переживающих коммуникативный стресс 120

ИСТОРИЯ ТГУ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

- Разумов О.Н.** Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь
(к 150-летию со дня рождения) 123

Могилянский Б.Г. Из истории становления исторического образования в ТГУ:	
А.И. Данилов – создатель Томской историографической школы	126
Галкина Т.В., Топчий А.Т. Первый этнограф Томского университета	133
Кабрин В.И. Факультет психологии ТГУ	137
Петров Ю.В. Культура как самоосуществление духа (к пятилетию открытия культурологического факультета)	140
Гураль С.К. Факультету иностранных языков – 5 лет	144

КОНФЕРЕНЦИИ. СИМПОЗИУМЫ

Международный симпозиум «Психологический универсум образования человека ноэтического» (г. Томск, 27–29 сентября 1998 г.)	148
Ключевская конференция в Томске (16–18 сентября 1999 г.)	150
Девятая конференция «Проблемы метода и жанра» (г. Томск, 8–10 декабря 1998 г.)	152
Семинарий библиотеки Конгресса США в Томске (ноябрь 1998 г.)	154

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Вершинский словарь	155
Пойзнер Б.Н. Наследие РАХН – университет для гуманитариев университета	156

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ

Можаева Г.В., Вымятин В.М. Дистанционное обучение в преподавании истории: проблемы и перспективы	158
Абакумова Н.Н., Комаровская Л.В. Опыт формирования учебных программ на основе комплексного компьютерного тестирования школьников	161

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Михалева Л.В. Педагогическая эффективность реализации дидактических принципов обучения в учебном процессе в ВУЗе	167
Обдалова О.А. Особенности урока иностранного языка в ВУЗе как сферы воздействия иной культуры	169

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Наши юбиляры

Черкасова О.Г. (с. 172), Петров Ю.В. (с. 173), Сотников В.В. (с. 175), Симахина Л.Ф. (с. 176), Захарова Л.А. (177), Хмылев Л.Н., Николаева И.Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух	178
Голишева Л.А. (с. 184), Янушкевич А.С. (с. 186), Баронас А.П. (с. 187), Дунаева Н.Л. (с. 187), Бурова Т.Т. (с. 188)	

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	189
-----------------------------	-----

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	192
---	-----

CONTENTS

REVIEWS

V.P. Zinovyev Study of the history of Sideria of Tomsk State University end of 1980s – 1990s	4
--	---

HISTORY. COUNTRY STUDI

A.M. Sagalaev. Archaic world outlook and modern mentality of Russia	9
A.P. Kazarkin. Regional and euroasian ideasin the literature of Siberia	11
V.M. Kulemzin. Traditional cultures of Siberia: peopl's consiousness and market relationships	13
A.N. Zheravina. P.I. Makushin and «kindergarten by Frebel method» in Tomsk	14
A.A.Maloletko. Cossacs in history of the Kolyvano-voskresensk (Altai) mountain region (1726–1917)	19
V.A. Esipova, V.M. Klimkin, Y.O. Tschernjavskaja. Paper as a historical source: some perspectives of studying	22

POTANIN'S READINGS

WILL AND DEATH OF N.M. JADRINSEV. Publication and scientific commentaries by N.V. Serebrennikov.	26
THE LETTERS OF A.V. LAVRSKAYA (POTANINA) N.M. JADRINTSEV (1873–1874). Publication and scietific commentaries by N.V. Serebrennikov	31

PHYLOLOGY

Literary criticism

I.A. Poplavskaya. The motiveof rest in the early works of V.A. Zhukovsky	34
A.S. Yanushkevich. To the 200th anniversary from the birst of A.S. Pushkin From the articles in «Onegin-encyclopaedia»	37
O.V. Sedelnikova. About the forming of Dostoevskiy pochvenichestvo	45
A.A. Kazakov. The archetype of the death in the structure «the final harmony» by Dostoevsky	54
N.B. Remorova. Kedrin and H0dasevich. «Articles about russian poetry» of V. Hodasevich in the reading andperception of Dm. Kedrin (on the materials of kedrin's librerly)	58
T.L. Ribalchenko. The history of literature in the XXth century as the history of literany trends	68
E.V. Antoshina. Early prose of V. Nabokov in the context of christian art philosophy	73
LETTERS OF F.P. LITKE TO V.A. ZHUKOVSKY. Pablication, scientific comment and notes belong to N.B. Remorova	76

LINGUISTICS

Z.I. Rezanova. Language and man: subject-object relation	86
E.V. Ivantsova, T.F. Volkova. The reflection of the linguistic picture of the world in the comparative of the dialectic personality	89
O.I. Blinova. What do the bells ring about? (stylistic essays)	94
«...may have begun to select words more carefully, that is why have reached some perfection» (the 100-th anniversary since the birth M.V. Isakovskiy)	96

CULTURE STUDY

Yu. V. Petrov. Philosophy as philosophy of culture	98
V.M. Vidgoff. Esthetic reality as a subject of philosophical reflexing	101
V.A. Domansky. Dialogue of cultures and dialogue in the culture of studying literature	106
E.V. Barnashova. A confrontation of naturalistic and aesthetic tendencies in European art culture in the XIX century	110

PSYCHOLOGY

V.I. Kabrin. The Psychological personality's universum transcommunicative holodynamics («Stress-Trance-Formation»)	115
E.A. Rozhdestvenskaya. The peculiarities of the teachers anxiety and rigidity manifestation in the actual state of the communicative stress	120

THE HISTORY OF THE TSU AND HIGHER EDUCATION IN SIBERIA

O.N. Rasumov. Aleksander Michaylovich Sibiriyakov – a manufacturer, mecenate, investigator (the 150-th anniversary since his birth)	123
B. G. Mogilnizky. From the history of historical education coming into existence at Tomsk State University: A.I. Danilov – founder of Tomsk historiographic school	126
A.T. Topchij, T.V. Galkina. The first ethnographer of Tomsk State University	133
V.I. Kabrin. The psychology department of the TSU	137
Yu.V. Petrov. Culture as self-realization of spirit (by the fifth anniversary of the opening of the culturological faculty)	140
S.K. Gural. Faculty of foreign languages – 5 years	144

CONFERENCES. SIMPOSIA

International symposium «Psychological universum of noetic person's education» (Tomsk 1998, september, 27–29)	148
Klujev's conference in Tomsk (1999, september, 16–18)	150
Ninth conference on «Problems of method and genre» (Tomsk 1998, december, 8–10)	152
The seminar of the USA Congress Librarian in Tomsk (1998, november)	154

REVIEWS. CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

Vershin's dictionary	155
B.N. Poyzner. RAKhN library as university for university lectures of the humanities university	156

CURRENT TECHNOLOGIES AND METHODS

G.V. Mozhaeva, V.M. Vymyatnin. Distant learning in history training: problems and prospects	158
N.N. Abakumova, L.V. Komarovskaya. The experience of educational programs development on the basis of the complex computer testing of pupils	161

PROBLEMS OF UNIVERSITY EDUCATION

L. V. Mikhaliyeva. Pedagogical effectiveness of the didactic principles realization in high school educational process	167
O.A. Obdalova. Peculiarities of foreign language teaching in high school as a sphere of another culture influence	169

MEMOIRS. MEMORY DATES. PERSONALITIES

Our jubilants

O.G. Cherkasova (p. 172), Yu.V. Petrov (p. 173), V.V. Sotnikov (p. 175), I.F. Simachina (p. 176), L.A. Zacharova (p. 177), L.N. Hmylev, I.Yu. Nicholaeva. A teacher who teaches letters but strengthens spirit	178
L.A. Golisheva (p. 184), A.S. Yanushkevich (p. 186), A.P. Baronas (p. 187), Dunaeva N.L. (p. 187), Burova T.T. (p. 188)	

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	189
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	192
---	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

Ю.В. Петров

ФИЛОСОФИЯ КАК ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Рациональная философия Просвещения осознала себя в образе философии культуры. Трансцендентальный идеализм Канта был «всеобъемлющей философией культуры». Современная философия есть также философия культуры. Но принципиальное отличие видится в том, что философский дискурс существенно изменился: он превратился в неклассический вид рациональности. Культура, получившая самосознание в постмодернизме, сейчас тоже трактуется иначе: ценности культуры из трансцендентных перешли в разряд эмпирических, чувственно наглядных, стали виртуальными.

Вопрос об отношении философии к философии культуры никогда не рассматривался в нашей отечественной философской литературе. Но это чрезвычайно актуальный и сложный вопрос, позволяющий при его решении раскрыть те тенденции, которые характерны для современного стиля мышления, и воссоздать наиболее адекватный образ философии и культуры, задающих картину современного мира.

В обеих школах неокантианской философии (В. Виндельбанд, Э. Кассирер) данный вопрос получил своё концептуальное выражение. По мнению основоположника баденской школы, кантовская система критицизма есть «всеобъемлющая философия культуры». И для классика марбургской школы критический идеализм выступает в качестве философии культуры. В этой связи Э. Кассирер ставит вопрос и дает на него ответ: «насколько прогрессивен был путь, уготованный философии культуры теми новыми элементами, которые содержались в критическом или трансцендентальном идеализме Канта?» [1. С. 138]. Основная идея кантовского критицизма, говорит В. Виндельбанд – выяснение роли продуктивного воображения в процессе познания. Сознание субъекта не пассивно отражает предметы внешнего мира, ибо обладает способностью к синтезу; в опыте индивидуального сознания имеются такие априорные синтетические суждения, которые наделены всеобщей и необходимой значимостью по отношению к нему. Они-то и формируют отдельные элементы знания в целостный образ, становящийся для субъекта самой «являющейся» действительностью. Заслуга Канта состояла в том, что он показал, что для зрелого философского сознания невозможно мыслить мир так, как он является наивному сознанию – «данным» и отраженным в сознании. То, что дано нам в опыте, уже содержит творческую деятельность нашего сознания; вещи в себе стоят за границами нашего опыта и не имеют отношения к нам. Мир, представленный в опыте, всегда есть продукт деятельности субъекта.

Общеобязательные и необходимые суждения, составляющие (детерминирующие) эмпирический опыт субъекта (эмпирические ассоциации и апперцепции), имеют место потому, что разум содержит в себе «трансцендентальный синтез»; последний обладает способностью к объединению элементов опыта, независимой от эмпирического сознания. Это стремление к связям элементов опыта открывает формы «трансцендентальной апперцепции». Трансцендентальный идеализм есть философия, показывающая, что весь предметный мир, данный в опыте субъекта, в действительности оказывается результатом работы трансцендентального (общеобязательного) синтеза. Кантовский критицизм, по словам Э. Кассирера, есть философия «примата» функции над предметом.

Эти, на первый взгляд, отвлеченные рассуждения имеют непосредственное отношение к поставленному вопросу. Культура, как и бытие философии, является продуктом деятельности человека. По определению, культура есть все то, что создано человеком в процессе его исторической жизни; находя предназначенную действительность, человек творчески преобразует ее соответственно своим потребностям и запросам. Человек не может жить вне контекста культуры; культура есть способ бытия человека в мире. И какие бы формы ни принимала культура, главное в ней – мысль, разум, интеллект человека. Благодаря заранее поставленной цели, сознание – в силу присущей ему разумности – творит из данного ему материала необходимые формы. Как образ бытия является производным от деятельности трансцендентального синтеза, так и культура с ее различными областями есть плод человеческого разума, подчиняющегося тем же самым законам мышления. В данном случае приобретает особую важность методологическое положение всей кантовской философии: деятельность разума в научной сфере имеет ту же самую структуру, которая присуща практической и эстетической деятельности культурного человека. В этом совпадении деятельности мышления коренится предметное единство критической философии с философией культуры. «Таковы те предметные основания, – которые вместе с формальным схематизмом кантовского мышления, принудили его применить последовательно принцип синтеза, открытый им сначала для обоснования науки, и к другим областям культуры: так само внутреннее развитие проблемы привело к тому, что критицизм, по методу своему возникший сначала из проблемы науки, невольно получил более широкое значение философии культуры, даже стал философией культуры *par excellence*» [2. С. 64].

Критика разума становится критикой культуры; критический идеализм, понимая культуру как качественно новое по отношению к ее отдельным формам – как большее по сравнению с ее единичностями – исходит из идеи, что человеческая культура есть плод деятельности духа. Пока философская рефлексия ограничивается анализом чистых познавательных форм, до тех пор сохраняется наивно-реалистический взгляд на мир, говорит Э. Кассирер. Необходимо расширить предмет познания и от общего понятия о мире перейти к общему понятию о культуре, «ибо содержание понятия культуры неотделимо от основных форм и направлений духовного производства, здесь, как нигде, «бытие» постижимо только в «деянии»» [3. С. 171]. Иначе говоря, чтобы понять культуру, выяснить генезис культурных форм, следует руководствоваться методологическим принципом: разум человека, поднимаясь

до всеобщего и общеобязательного уровня, производит культуру – разумность пронизывает все стороны культурного бытия человека. В деле постижения человеческой культуры, согласно кантовскому критицизму, лежит «самосознание творческого синтеза»; это понятие оказывается исходным пунктом для такого мировоззрения, которое понимает всякую культуру, будь ли она даже материальной культурой, как духовное производство, как культуру духа.

Философия тесно связана с общественной жизнью. Эта связь обнаруживается в том, что она «совершенно тождественна со своей эпохой», т.е. философия «есть современная ей эпоха, постигнутая в мышлении» [4. С. 111]. Те или иные эпохи, которые переживает человечество в лице конкретных народов характеризуются определенной культурой и есть по сути дела сама эта культура. Другими словами, каждая эпоха есть самодостаточная культура, сложившаяся в границах конкретного времени и несущая в себе такие черты и качества, которые отличают ее от предшествующих культур. В таком случае философия как теоретическое воспроизведение в мышлении духа времени, духа своей эпохи необходимо становится философией культуры. Любая философия есть философия культуры. Этот мир культуры философией постигается исходя из внутренних возможностей самосознания или рефлексивной способности разума, что в конечном счете определяется тем образом, который задает способ конкретного философствования. Философия как философия культуры не может навсегда оставаться чистым знанием, как ее понимали мыслители эпохи Просвещения.

Два столетия, отделяющие современную философию от критического идеализма, существенно изменили философский дискурс и самую социальную действительность. Сегодня философия видит свое призвание в постижении действительности и жизни; процесс метафизического мышления неизбежно трансформируется в философию жизни – антропологическую философию, понимающую необходимость органического единства теоретических и практических вопросов. Рационализм как способ мышления обнаружил свою ограниченность. «С 1700 г. сам рационализм начинает уже открывать не новые разумные основания, но границы разума, его пограничье с бесконечным пространством иррационального. Наступает век философской критики, брызги могучих волн которого достигают и последнего столетия, чтобы в наши дни окончательно установить эти границы» [5. С. 28].

Постепенно обнаружилось, что чистому разуму свести предметный мир к рациональной действительности не удастся («все действительное разумно») – невозможно заместить богатство и многообразие жизни сухими понятийными схемами. Абстрактный интеллект в своей претензии стать самодостаточной жизнью, когда бы она предстала в законченных и непротиворечивых формах мышления, оказался несостоятельным; первичная жизнь «спонтанна» и ни в малой степени не подчиняется логике разумного. Разум есть лишь маленький остров в бурном океане стихийной жизни. Потребовалось переосмыслить отношение, существующее между познанием и жизнью: не действительность соотнобразуется с законами мышления, но чистый разум вырастает из жизни и, следовательно, должен опираться на нее в своем постижении окружающего мира. «Тема нашего времени заключается в придании разуму жизненности, в биологической локализации разума, подчинении его спонтанному. Через не-

сколько лет требование ставить жизнь на службу культуре будет казаться абсурдным. Миссия нового времени состоит как раз в том, чтобы перевернуть отношение, указать на то, что культура, разум, искусство, этика должны служить жизни» [5. С. 29].

Классический рационализм в истории философии можно представить в образе «гносеологического субъекта», «кабинетного всезнайки», довольствующегося «грезами солипсизма» (С. Булгаков); неклассический тип рациональности, родившийся в философии жизни, русской христианской философии, экзистенциализме и философской антропологии, предстает в образе Диониса, Дон Жуана, Фауста, Дон Кихота. Для рационализма характерен такой стиль мышления, когда разум всю действительность понимает как жизнь; исходным «началом» философствования является жизнь человека, и она выступает абсолютом как по отношению к эмпирической действительности, так и по отношению к той, которую субъект пытается трансцендировать. Как в онтогенезе (деятельности отдельного мыслителя), так и в филогенезе (мыслительной способности конкретного народа) жизнь предшествует философии. Приняв идею жизненного опыта, философия осуществила решительный поворот – перешла «от мира науки к миру жизни». Вследствие такого шага можно ожидать «от философии «жизненного мира» всей широты жизненного опыта и его оправдания, его прояснения и обогащения» [6. С. 7].

Культура прошлых веков, особенно христианская и вплоть до эпохи Просвещения, была антиподом жизненных устремлений. Первобытные инстинкты, откровенно присущие феодальным сеньорам, искусственно подавлялись посредством аскетизма новой религии. Известны христианская устремленность к трансценденции и бегство от материальной действительности средневекового человека. Культура XVII-XVIII вв., будучи по форме мнимым возвратом к античности, т.е. антихристианской, фактически оставалась нежизненной в том смысле, что витальные ценности выносились за рамки живой действительности и были трансцендентными. Ценность жизни виделась в чем-то потустороннем, но только не в самой жизни. Культура, создаваемая на протяжении двух веков, представлялась как «сверхчувственная сущность». «Культурализм» как выражение сущности рациональной культуры – это «христианство без Бога» – сводит культуру только к духовной жизни. Будучи широким идейным течением, охватившим европейские страны, «культурализм» понимает жизнь как что-то стоящее позади культуры. В такой «философии культуры» переменились только сущности, но сохранилось сходство со средневековой теологией: где христианский мыслитель говорит «Бог», современный немец говорит «Идея», «Примат Практического Разума» или «Культура». Такой «иллюзионизм» в обожествлении определенных жизненных энергий, отмечает Ортега-и-Гассет, несет с собою «органические нарушения, огромные опасности».

Но культура XX в. претерпела существенные изменения и сегодня понимается принципиально иначе. Не трансцендентные ценности придают смысл жизни и культуре, но, напротив, сама жизнь хочет быть понята, исходя из нее самой. Жизнь самоценна и самодостаточна, поэтому культура не может быть осмыслена из чего-то иного, нежели самой жизни. Такова ситуация («новые симптомы»), которую переживает современное человечество; в этих условиях наиболее адекватной формой, в которой постигается новая культура,

является неклассическая рациональность, в т.ч. философия жизни. Наша эпоха характеризуется тем, что для значительной части населения утратили свое значение ценности, казавшиеся еще недавно незыблемыми и постоянными. То, что казалось самодостаточным, однажды перестало таковым быть. Современный человек находится в состоянии неопределенности, поскольку потерял четкие ориентиры в своей жизнедеятельности.

Современная культура во многом определяется новым мироощущением и мировосприятием, которые присущи современному человеку. В искусстве, например, коренные превращения связаны с метафизическим изменением «установок субъекта». Последнее означает, что происходит вытеснение искусства из области «жизненно «серьезного» и включение его в такую сферу жизни, которая характеризуется спонтанностью, игровым началом, непринужденностью, свободным осуществлением энергии человека. Старое искусство, ориентированное на ценности труда, «священный долг культуры», «горечь рабочего дня», отодвинуто на периферию нашего существования; современные эстетические нормы, напротив, рассматриваются в виде «забавы», «игры», «развлечения», благодаря чему произведение искусства «обретает все свое трепетное очарование». Жизнь, понимающая себя как спонтанное выражение энергии человека, «придает своему усилию дух радости, щедрости, даже шутовства, столь характерного для спорта... Жизнь будет создавать свои блестящие творения как бы шутя, не придавая им большой важности. Поэт уподобится футболисту, создавая свои стихи «одной левой»... Сегодня молодежь готова придать жизни непоколебимую видимость празднества» [5. С. 43–44]. Ценности культуры не исчезли, но существенно изменились: прежняя культура видела их в трансцендентной сфере, помимо жизни; новая культура открывает их в спонтанной области биологического и понимает как витальные ценности.

Современная культура получает свое самосознание в философии постмодерна. Образ постмодернистской культуры характеризуется вытеснением «законодательной» парадигмы разума «интерпретативной». Глубокие изменения в мышлении, происходящие в жизнедеятельности современного человека, вызваны социальными и гносеологическими причинами. Постмодернистская философия осмысливает эти глобальные интеллектуальные превращения, вставая в оппозицию к существующей социальной действительности и ее ценностям. История западной цивилизации в глазах радикально настроенных мыслителей предстает в неприглядном свете благодаря безжалостной захватнической политике, проводимой в отношении других народов и государств; терроризму, возведенному в ранг государственной политики; неумной алчности господствующих классов к наживе; возведенному в государственную политику желанию процветать за чужой счет; колониализму и империализму с их рабством и геноцидом; подавлению рабочего движения; антисемитизму и расизму; политике уничтожения поселений аборигенов во всем мире; абсолютному неприятию других культур и ценностей; жесткому злоупотреблению другими формами жизни; слепому опустошению регионов планеты. «Логика развития привела к тому, — пишет по этому поводу современный философ-экзистенциалист К. Ясперс, — что эпоха буржуазного умиротворения, прогресса, образования, исторического воспоминания в качестве опоры собственной мнимой безопасности сменилась эпохой опустошающих войн, гибели и

убийства массы людей (при неисчерпаемом росте масс), ужасающей угрозы уничтожения гуманности в круговерти, в которой распад явит себя господствующим фактором» [7. С. 497]. Постмодернизм объявил некогда незыблемые каноны западной демократии, выраженные в понятиях «человек», «разум», «цивилизация», «прогресс», несостоятельными в нравственном и интеллектуальном смысле.

Радикальные изменения в контексте западной культуры рождают в гносеологическом плане критическую «деконструкцию» традиционных представлений, когда способом постижения действительности становится идея разрушения всех существующих установок, верований и представлений — повсюду философия находит видимости, достойные разоблачения. В этом смысле постмодернизм есть «антиномическое движение, задавшееся целью разложить западное мышление на части...», взяв на вооружение деконструкцию, децентрацию, устранение, разбрасывание, демистификацию, прерывание, расхождение, рассеивание и т.д. Подобные понятия... выражают эпистемологическую одержимость разрывами и разломами, а также соответствующую идеологическую приверженность различным меньшинствам — политическим, сексуальным и языковым. Правильно думать, правильно чувствовать, правильно поступать, правильно читать, согласно этой episteme уничтожения, означает — отказаться от тирании целого; абсолютизация любого из человеческих начинаний чревата тоталитаризмом» [8. С. 340].

Посредством интерпретативного разума осуществился переход с поиска оснований знания, лежащих в трансцендентной сфере, на поиск оснований, находящихся в повседневной жизненной практике. Для нового разума основания знания следует искать не в метафизике, но в коммуникации, общении эмпирических индивидов. Постмодернистская парадигма мышления предполагает множественную локальность действительности, которая не имеет в себе никакого основания. Видение мира, складывающееся в такой эпистемологической парадигме, будет относиться к чему-то местному и специфическому. Концепции, претендующие на универсальную объяснительную способность, не заслуживают доверия по той причине, что связаны с эмпирическими подтасовками и интеллектуальным авторитаризмом — «законодательный» разум имеет тенденцию «унифицировать истину насильем» (Г. Риккерт). Постмодернизм актуализировал настроение, сформировавшееся еще в начале нашего века; его выразил Дж. Дьюи, заявив: «главное интеллектуальное настроение нашего века — это отчаяние, к которому приходят от любых целостных воззрений и позиций». Новое мышление, выраженное постмодернизмом, представляет собой, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, «недоверие к метаповествованиям».

Невозможность «метаповествования» вытекает из различных форм нигилизма, имеющего онтологическое происхождение. Онтологический нигилизм есть утрата логики смысла в самой современной действительности, в самом бытии; под влиянием существующих общественных отношений появилось такое поколение людей, для которых исчезло их подлинное бытие, — потеря высших ценностей превращает их жизнь в поток сиюминутных наслаждений, быстро меняющихся аффектов; они «равнодушно умирают и равнодушно убивают» (К. Ясперс). Добровольный отказ от высшего, нежелание посвящать себя служению чему-то возвышенному делает человека пассивным существом, утратившим критическую способность разума. Можно

сказать, что в такой ситуации «люди смело отказываются от всякого смысла и объявляют смыслом намеренную бессмыслицу» [7. С. 499].

В культуре постмодернизма особую ценность приобретает идея пластичности мира и постоянного изменения действительности. В силу данного обстоятельства предпочтение отдается не общим принципам, не застывшему и отвлеченному знанию, но конкретному опыту. Адекватным образом философии будет такой дискурс, который ориентирован на множественность, неоднозначность; любое решение будет не абсолютным, но относительным, допускающим бесконечный пересмотр. Действительность не представляет нечто прочное и инвариантное; ее самодостаточности противостоит текущий саморазворачивающийся процесс, открывающийся в сознании субъекта. Человек как субъект силой своего воображения конструирует действительность; посредством разума и воли он создает свой контекст мира, который зависит с точки зрения интерпретативной способности от других контекстов. Существует приоритет интерпретации над объектом; объект есть производное, вторичное от объяснения. Человек – не сторонний наблюдатель происходящего, он сам непосредственно включен в существующую действительность, поэтому одновременно изменяет как действительность, так и себя.

Процесс познания открывает множество миров, каждый из которых соответствует своей интерпретации. По этой причине существует множественность истин, ни одна из которых не может рассматриваться как окончательная. Все человеческое познание «нагружено» исторической и культурной «предрасположенностью», поэтому постоянно испытывает – пусть и бессознательно – через знаки и символы пристрастие человека к тем или иным ценностям, за которыми скрываются его непосредственные интересы. Подобная открытость постмодернистского сознания указывает на отсутствие каких-либо твердых оснований, на которых строится мировоззрение. Состояние неопределенности, распада и плюрализма как в отношении действительности, так и в отношении познания характеризует «состояние постмодерна». Последний, по признанию современных аналитиков, характеризуется своей незавершенностью: в арсенале его средств имеются положения, оформившиеся под влиянием различных философских течений, – «от прагматизма, экзистенциализма и психоанализа до феминизма, герменевтики, постэмпирической философии науки... Из этого водоворота зачастую несовместимых побуждений и тенденций на поверхность выплыло несколько принципов, получивших широкое хождение» [8. С. 335-336].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассирер Эрнст. Лекции по философии и культуре // Культурология. 20 век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 104–162.
2. Виндельбанд Вильгельм. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Культурология. 20 век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 57–68.
3. Кассирер Эрнст. Философия символических форм // Культурология. 20 век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 163–212.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб.: Наука, 1993. 350 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 408 с.
6. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
7. Ясперс Карл. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
8. Тарнас Ричард. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. 448 с.

Статья поступила в научную редакцию 1 апреля 1999 г.

УДК 130.2

В.М. Видгоф

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В статье разрабатывается концепция целостного, системно-категориального описания предпосылок эстетического как предмета философии культуры.

Содержание фундаментального термина «эстетическое» в философско-эстетической литературе остается дискуссионным. Единство позиций исследователей состоит в признании эстетического реальностью. Различия – в определении статуса этой реальности. В этом отношении можно выделить следующие основные точки зрения, обозначающие эстетическое как антропокосмологическую, идеальную, чувственно-эмоционально-сверхчувственную, естественно-природную, социально-ценностную, природно-социальную, духовно-практическую реальность. В этих же посылках обнаруживается многообразие суждений, характеризующих эстетическое по способу, объему и форме существования, по определению специфики и функциональным возможностям.

Анализируя разные взгляды на проблему эстетического, мы обращаем внимание на два обстоятельства. Во-первых, на то, что указанные позиции правомерны, ибо эстетическое многогранно и обнаруживает себя в разнообразных деятельностных формах и сферах отношения человека к миру. При этом аспектное бытие эстетического – лишь необходимое, но еще не достаточное условие для фиксации его качественной определенности. Во-вторых, – на отсутствие диалектически целостного, системно-категориального объяснения сути эстетического как особого образования, развертывающего свое аспектное разнообразие из единого основания. Учитывая сказанное, автор предлагает концепцию целостного, системно-категориального описания предпосылок эстетического как предмета философии культуры. При этом мы опираемся на философское осмысление системно-деятельностного подхода, где деятельность выступает субстанциональным основанием, осуществляющим свое саморазвитие через противоречие в культуре.

Человеческая жизнедеятельность как исходное понятие и объяснительный принцип

Эстетическое может быть понято как проявление особой качественной наполненности совершающихся событий в сфере мирочеловеческих отношений. Сами эти отношения на категориальном уровне представлены системой субъектно-объектно-субъектных связей. Многогранность, полиструктурность и полифункциональность конституирована здесь в определенном единстве и целостности. Понятие «целостность» нами

интерпретируется в единстве трех значений: системно-структурном, причинном и мерном (то есть учитывающим качественную специфику). В этом плане система мирочеловеческих отношений, как объективный процесс природно-социального взаимодействия, выступает самоценной, самореализующейся и саморазвивающейся целостностью со своей неповторимой спецификой.